Как же настроения русского дворянства 1789 г. отразились в публицистике и что они создали в ней?

При такой постановке вопроса останавливает внимание характерное для дворянской общественности этих лет явление. В подборе переводной литературы можно усмотреть и отражение этого процесса и выражение его, но в деятельности ведущих писателей этот этап не успевает сказаться — так кратковременно его существование.

5

То, что настроения 1789 г. не закрепились даже у отдельных представителей дворянства объясняется конечно недвусмысленным выступлением во Франции на сцену буржуазии, а также довольно резким отпором этим настроениям со стороны Екатерины.

Дело Радищева и новиковский процесс в самом начале подрезают возможность оформления и обнародования идей, сочувственных революции и вызванным ею социальным переменам. Но основным конечно оказывается крутой поворот, который претерпевает отношение дворянства к революции под впечатлением ударов по привилегиям дворянства.

Этим и объясняется то, что вся дворянская литература отразила настроения не восемьдесят девятого года, а те, которые последовали за ним.

Однако отдельные дворяне, своеобразно пережив взволнованность восемьдесят девятого года, сохраняют революционные настроения, воспитавшие декабристов.

Эти настроения своеобразно обнаруживаются и после восемьдесят девятого года, иногда выступая в соединении с настроениями разночинной интеллигенции.

Рассадником этих настроений в среде дворянской молодежи вероятно являлся шляхетный кадетский корпус, которым в это время заведывал Ф. Е. Ангальт.

С. Н. Глинка, один из его воспитанников, в своих «Записках» рассказывает, что «граф Ангальт не говорил ни о каких отдаленных причинах переворота европейского мира, но чтобы ознакомить нас с тогдашними обстоятельствами, учредил в нашем зале новый стол со всеми повременными заграничными изданиями.»[1]

[1] С. Н. Глинка. Записки, СПб., 1895, стр. 76.